

С Е Р И Я
И С С Л Е Д О В А Н И Я
К У Л Ь Т У Р Ы

ВРЕМЯ УТОПИИ

*Проблематические основания
и контексты философии
Эрнста Блоха*

ИВАН БОЛДЫРЕВ

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2012

УДК 141
ББК 87.3
Б79

Работа выполнена в рамках индивидуального
исследовательского проекта № 10-01-0011
«Философия утопии Эрнста Блоха: теоретические истоки,
интеллектуальный контекст, полемика»
при поддержке Программы «Научный фонд ГУ ВШЭ»

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Рецензент
кандидат философских наук
ИГОРЬ ЧУБАРОВ

Болдырев, И. А.

Б79 **Время утопии: Проблематические основания и контексты философии Эрнста Блоха [Текст] / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».** — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 296 с. — (Исследования культуры). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0910-4 (в пер.).

Утопия и утопическое сознание с давних пор находятся в центре политических дискуссий и художественных практик. Книга Ивана Болдырева посвящена Эрнсту Блоху (1885–1977), немецкому мыслителю, который придал этой теме особый философско-исторический статус и сумел собрать под флагом утопии марксистский активизм, эсхатологическую метафизику и авангардное искусство. В книге представлена интеллектуальная эволюция Блоха и прослежены его сложные и неоднозначные отношения с важнейшими философами XX в. — Георгом Лукачем, Вальтером Беньямином и Теодором Адорно. «Полемическая тотальность» этих отношений служит прояснению парадоксальной логики утопического мессианизма.

Книга адресована философам, политологам, историкам и социологам.

УДК 141
ББК 87.3

ISBN 978-5-7598-0910-4

© Болдырев И.А., 2012
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	8
I. ФИЛОСОФСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЭРНСТ БЛОХ.....	15
КРАТКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ	15
УТОПИЯ	23
МЕТАФИЗИКА МГНОВЕНИЯ	27
ФИЛОСОФИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ И ОБЛИК НЕКОНСТРУИРУЕМОГО ВОПРОСА У РАННЕГО БЛОХА	36
НЕ, «ЕЩЕ-НЕ-БЫТИЕ» И «ЕЩЕ-НЕ-ОСОЗНАННОЕ»	40
МАРКСИЗМ БЛОХА И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ	47
<i>Экскурс: Блох и Хайдеггер</i>	55
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ, ИЛИ О (НЕ)ВОЗМОЖНОСТЯХ УТОПИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ	58
II. ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКИЕ АПОСТОЛЫ	66
ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ: МЕТАФИЗИКА ТРАГЕДИИ	69
ЭПИЗОД ВТОРОЙ: ТЕОРИЯ РОМАНА	88
ЭПИЗОД ТРЕТИЙ: ТОТАЛЬНОСТЬ И ОВЕЩЕСТВЛЕНИЕ.....	101
ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ: МГНОВЕНИЕ («ФАУСТ» И «ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДУХА»).....	116
Цитата из «Фауста» в «Феноменологии духа»	119

Постановка проблемы у Лукача.....	122
Диалектическое путешествие	127
<i>Экскурс: Блох и Гегель</i>	130
Негативность.....	133
Исполненное мгновение	143
III. ГНОЗИС, ЭСХАТОЛОГИЯ И МЕССИАНИЗМ В ЕРЕТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ БЛОХА.....	150
ГНОЗИС.....	152
ЭСХАТОЛОГИЯ И АПОКАЛИПТИКА	158
ИУДЕЙСКАЯ МИСТИКА И ЭСХАТОЛОГИЯ.....	164
ХРИСТИАНСКИЕ ЕРЕТИКИ.....	174
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ: АНТИНОМИИ МЕССИАНИЗМА	178
IV. БЛОХ И БЕНЬЯМИН: ОДНОСТОРОННЕЕ ДВИЖЕНИЕ	182
СЛЕДЫ БИОГРАФИЙ.....	186
МЕССИАНИЗМ И ИСТОРИЯ.....	192
<i>Экскурс: Блох и Кант</i>	203
<i>Экскурс: спасение</i>	212
АНГЕЛЫ И ДЕМОНЫ ИСТОРИИ	216
МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ МЕЛОЧИ	222
АЛЛЕГОРИИ	232
СЕКУЛЯРНАЯ МИСТИКА У БЛОХА И БЕНЬЯМИНА.....	236

ЕЩЕ РАЗ ОБ АНТИНОМИЯХ МЕССИАНИЗМА И ОБ ИХ ВОЗМОЖНОМ РАЗРЕШЕНИИ	248
ИТОГИ	259
V. УТОПИЯ В БЕЗВОЗДУШНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: БЛОХ И АДОРНО	262
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	275
ЛИТЕРАТУРА	279
Эрнст Блох	279
Георг (Дьёрдь) Лукач.....	281
Вальтер Беньямин	282
Современники	283
Специальные работы	285
Другие источники	294

ВВЕДЕНИЕ

Замысел этой книги был связан с несколькими общими идеями. Ближайшая из них очевидна: немецкий философ Эрнст Блох (1885–1977) остается «великим немцем» для отечественной историко-философской литературы, а связанная с ним интеллектуальная традиция (Лукач, Беньямин, отчасти Адорно и другие авторы) так и не стала частью российского интеллектуального ландшафта и по-прежнему чужда большинству тех философов, кто пишет по-русски.

Такое невнимание обусловлено не только отсутствием хороших переводов¹, но и общей инерцией разочарования неомарксистской философией культуры² вкупе с повальным увлечением русской мыслью Серебряного века (которая, кстати говоря, не имеет ничего общего с иудейским мессианизмом и неортодоксальным марксизмом Блоха лишь на первый взгляд). Десятки диссертаций, посвященных Хайдеггеру, и робкие взгляды в сторону аналитической философии, которая уже давно распространена в Европе, — вот ситуация, характерная для большинства философов конца 1990-х — начала 2000-х годов. Утопия? Социализм? *Sauve qui peut!* На фоне немногочисленности тех, кому в принципе близки философские проблемы и интересы, и постоянно возобновляющихся усилий по развенчанию коммунистической идеологии историко-критические приоритеты, казалось бы, выстроились.

Однако и логика развития философии XX в., и общие духовные запросы, конечно, разнообразнее. Запоздалая публикация в 2003 г. знаменитой книги молодого Георга (Дьёрдя) Лукача «История и классовое сознание», ставшей для Блоха важным

¹ Основные труды Блоха на русский язык не переведены. Стоит отметить достойный и доступный перевод фрагмента основного его сочинения, выполненный Л. Лисюткиной: *Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопич. мышление. М.: Прогресс, 1991. С. 49–78.*

² Разумеется, это не означает, что отечественные исследователи не обращали на западный марксизм внимания, однако при почти полном отсутствии русских переводов разговор велся вокруг нескольких фигур (поздний Сартр, Адорно, Лукач, Маркузе) и почти не затрагивал ни Блоха, ни Беньямина, ни многочисленные марксистские школы конца 1960–1980-х годов.

ориентиром, выход в свет в 2006 г. известного сборника Лукача «Душа и формы», появление из архивного небытия все новых текстов М.А. Лифшица, крупнейшего советского специалиста по марксистской эстетике, — все это свидетельствует о таком разнообразии.

Предлагаемая книга — еще один шаг в этом направлении. Но не хотелось бы, чтобы в ней искали очередное подтверждение «актуальности» или воспринимали ее как орудие доморощенной, плоской политической полемики. Философия, редко отказываясь от такой полемики, тем не менее никогда к ней не сводилась. К тому же автора тексты Блоха впервые заинтересовали не столько темами, сколько своим риторическим обаянием, проникновенным, страстным слогом и амбициозностью. Чистый аффект сочетается у Блоха с изысканной формой философской прозы, требующей серьезных герменевтических усилий. Собственно, результаты этих опытов чтения, расшифровки, неизбежной фацинации и неизбежного же критического осмысления представлены здесь на суд читателя.

На Западе книги, посвященные философии Блоха, выходили многократно и на разных языках. Есть исследования и на русском³. Особенность этой новой работы, помимо прочего, — внимание к контекстам. Главные из них связаны с тремя друзьями-врагами Блоха, без которых его философия в том виде, в каком она сложилась, вряд ли была бы возможна. Это Георг Лукач, Вальтер Беньямин и Теодор Адорно⁴ — создатели образцов леворадикальной философии и эстетики. Все они испытывали, как и Блох, трудности, пытаясь встроиться в академическую немецкую философию 1920-х годов. И все они впоследствии, как это, впрочем, часто бывает, оказались главными

³ Из русскоязычных работ на полноту и тщательность может претендовать лишь монография С. Вершинина (*Вершинин С.Е. Жизнь — это надежда: Введение в философию Эрнста Блоха.* Екатеринбург: Изд-во Гуманитар. ун-та, 2001). Кроме того, некоторые идеи Блоха (о конкретной утопии) задействуются, например, в кн.: *Кравченко И.И. Бытие политики.* М.: ИФ РАН, 2001.

⁴ Нечто подобное предприняла в начале 1990-х годов Кристина Уйма (*Ujma C. Ernst Blochs Konstruktion der Moderne aus Messianismus und Marxismus: Erörterungen mit Berücksichtigung von Lukács und Benjamin.* Stuttgart: M & P, Verl. für Wiss. u. Forschung, 1995), но акцент в ее работе сделан не на избирательном средстве как таковом, а на проблематике модерна в работах Блоха, Лукача и Беньямина 1920–1930-х годов.

героями философской истории XX в. Но главное — у них были общие темы, общий горизонт, они ориентировались в культуре по одним и тем же картам. Проясняя, как и почему они спорили с Блохом, чем обязан он их мышлению и каковы были их совместные устремления, мы следуем «слепыми тропами» его утопической философии и становимся способны разглядеть за ней несколько больше, чем позволяют стандартные руководства и энциклопедии.

Начнем мы с характеристики философии Блоха в целом, которая будет направлена на выявление общих и наиболее важных мотивов его мышления. Хронологических различий, которые, разумеется, важны сами по себе, здесь делаться не будет, потому что цель главы I — составить общее представление о том, что в философии так занимало Блоха и каков был его вклад в историю мысли. Потом в главе II речь пойдет о Лукаче и о тех его темах, с которыми так или иначе соприкасался Блох, — метафизических, эстетических и политических. Особенность этой главы в том, что в ней намеренно почти не обсуждаются «дебаты об экспрессионизме» — поворотный пункт в истории марксистской эстетики, — поскольку помимо Лукача и Блоха в них принимали участие и другие авторы, в частности Брехт, и серьезный разбор аргументов с восстановлением контекстов обернулся бы новой книгой, в пользу которой к тому же — ввиду наличия множества компетентных работ на всех европейских языках — у меня большие сомнения. В главе III в центре внимания окажется мессианизм Блоха и то, какие именно идеи и верования стали основой «революционного гнозиса» (именно так назвал сам Блох свою раннюю философию). Эта историографическая прелюдия совершенно необходима для того, чтобы последовательно обсудить тематику мессианизма в соотнесении с философией истории Беньямина в главе IV, где описаны также интересные общие мотивы, сближавшие Блоха с Беньямином. Области мысли, где их встречное движение прерывается и наталкивается на принципиальные разногласия, как правило, очень плодотворны, прежде всего для прояснения логики мессианизма. Наконец, краткая глава V посвящена Блоху и Адорно. Как и в случае с Лукачем и Беньямином, обсуждение общих тем становится одновременно обсуждением внутренних трудностей утопической философии и служит ее конкретизации.

Здесь необходимо сделать несколько методологических замечаний. Большим искушением для историка философии — торговца чужими смыслами — была бы осознанная имитация текстов «героя», вживание в роль и переименование собственных размышлений с использованием стилистики и ходов мысли философа (в случае Блоха — мыслителя с отчетливо выраженным, самобытным стилем — такое заимствование несложно осуществить). Другая крайность — отстраненное наукообразное пережевывание общеизвестных фактов и скрупулезное сопоставление мелочей. Такая ученая «жвачка» оказывается на поверку столь же несъедобной, сколь и беспомощное копирование оригинала, мало или вовсе не способствующее его пониманию. Исключения редки и лишь подтверждают правило. Избежать этих крайностей, по-видимому, мало кому удастся, в частности, потому, что и вдохновенные писатели, и академически настроенные исследователи, приняв ту или иную форму изложения, притязают не только на новаторство и «творческое переосмысление» каких-то идей, но и на аутентичное прочтение. И если в этой книге мне не удастся отыскать какую-то третью форму, то, по крайней мере, проясняя сущность и контексты философии Блоха, я надеюсь показать, чем занимательна и поучительна эта философия.

И все же — не окажется ли такая работа начетничеством? Второстепенным, никому не нужным пересказом текстов философа, который и так все сказал? Часто такому пересказу противопоставляют некий «подлинный», «живой» философский опыт, опыт суверенной, свободной мысли, творчества, магического проникновения в предмет и т.д. — в зависимости от тех традиции и горизонта, к которым принадлежит говорящий. Но у меня такая оппозиция вызывает подозрение. Первое, что бросается в глаза, — необходимость освоения чужих идей не только для того, чтобы *разобраться* в проблеме, но и для того, чтобы *она вообще возникла*. Для философа нет проблем вне смыслового пространства философских традиций, классических текстов и их интерпретаций. Но отсюда следует и то, что отсылки типа «все, что вы говорите, уже было у Платона/Аристотеля и проч.» — бессмысленны, *не было у них ничего такого*; предельный случай, напоминающий о важности говорения-из-исторической-ситуации, — пресловутый «Дон Кихот» Пьера Менара, о котором так точно свидетельствует Борхес. Всякое

философское начинание — интерпретация уже существующих смыслов, и странно слышать, что «настоящему» философу не нужны подпорки в виде отсылок к уже существующим текстам и идеям, даже гений невозможен без этих костылей. Более того, ни одно наше повседневное действие не совершится за пределами опосредствующей смысловой и понятийной среды, если угодно, философии. Понятия, слова, смыслы влияют на нашу жизнь, становятся частью наших судеб и тел, а философия — просто один из способов сознательной ориентации в этом пространстве, искусство прокладывать в нем свои пути. Поэтому противопоставление некоего «изначального» философского опыта и вторичных интерпретаций ложно, сбивает с толку. Это не значит, что начетничества не существует. Критерий качества историко-философской работы нужно, по-видимому, искать на уровне удачной или неудачной герменевтики, думая о том, удалось ли, истолковывая текст, отыскать такое его удвоение, такое сцепление смыслов, которое найдет отклик в истории идей и даст решения для сегодняшней мысли.

Формулируя тему книги по модели «Блох и...», следует, конечно, осознавать, насколько условны такие сопоставления. И все же я хотел бы заставить эти имена говорить, причем речь не идет об интеллектуальных биографиях — лишь о философских идеях и о дискуссиях, в которых прямо или косвенно участвовал Блох. Ведь в истории философии, как и в литературной критике, «нет ничего, что заинтересовало бы наш интеллект более философски и могло сильнее питать в нем влечение к анализу, нежели возрастающее видоизменение одного духовного склада под творческим воздействием другого»⁵.

Важная задача, успешное решение которой было смыслом этой работы, — уточнить многочисленные констатации, ставшие общим местом в критической литературе: «Блох — мыслитель мессианского толка», «Блох и Лукач (Блох и Беньямин) повлияли друг на друга», «в ранней философии Блоха и Лукача важную роль сыграл гностицизм» и т.д. Не всегда ясно, что стоит за такими фразами, — это относится и к смыслу терминов (гностицизм, мессианизм), и к текстам, которые истолковываются.

⁵ Валери П. Письмо о Малларме // Валери П. Об искусстве. М.: Искусство, 1993. С. 354.

Другая необходимая, но, увы, не разрешимая до конца задача — воссоздать ту интеллектуальную среду, интригующую и богатую событиями, в которой жили и участвовали Блох и его современники. Взгляды некоторых рассматриваются подробно, другие (Г. Ландауэр, Э. Ласк, Г. Шолем, Г. Зиммель, Я. Таубес, М. Бубер, Ф. Розенцвейг, М.М. Бахтин, М. Хоркхаймер, Б. Брехт и т.д.) останутся в общем за пределами этой книги. Однако стоит помнить, что их идеями вскармливалась культура той эпохи, что их голос звучал под тем же небом, а историко-философское исследование вне заданного ими, именно ими, контекста — лишь очередная схема, всегда неизбежная и при этом единственно доступная как способ целостного восприятия, времени, восприятия, по отношению к которому данная книга — лишь фрагмент.

В эпоху, когда специализация в области «наук о духе» достигла масштабов, сопоставимых с масштабами естественнонаучных дисциплин, когда, например, наследию одного только Бенямина посвящаются ежегодно сотни статей, диссертаций и монографий, разбудить этот улей и вызвать нарекания специалистов становится очень легко (даже в нашей стране). Я старался достичь наиболее естественной степени детализации, ибо каждая из тем может завести сколь угодно далеко. Вопрос о том, где остановиться, перерастает в вопрос о пределах обогащения контекста, о том, сколько измерений нужно ему придать, чтобы картина оказалась адекватной эпохе. Здесь приходится руководствоваться исключительно собственным чутьем, которое не может быть подсказано ни чем иным, кроме как *собственным временем*, пребывание в котором — единственное неоспоримое преимущество автора.

С большой радостью я благодарю тех людей, без помощи которых эта работа не была бы ни начата, ни завершена. Это прежде всего Д.В. Бугай, познакомивший меня с работами Блоха и показавший мне, почему такого рода философия может быть интересной. Это моя жена Алена, чье терпение (а порой — и нетерпение) стало необходимым условием моей деятельности в последние годы. Это мой отец Алексей Болдырев, а также мой коллега и друг Никита Харламов, внимательно прочитавшие текст в рукописи и давшие множество полезных рекомендаций при редактуре. На различных этапах подготовки текста мне

оказывали самую разную поддержку Р. Беккер, А.В. Белобратов, К. Вайганд, К. Гедде, А.Л. Доброхотов, А.В. Магун, Ю. Матвеева, Н.В. Мотрошилова, П.В. Резвых, Ю.Р. Селиванов, А.С. Стыкалин, А.О. Филиппов, Д. Цайлингер, К.В. Чепурин, Х.-Э. Шиллер, И. Щедлецки, Е.А. Щербакова и многие другие. Однако укрываться за этими славными именами я не намерен: все недостатки книги, разумеется, целиком остаются на совести автора.

И. Философский писатель

Эрнст Блох

КРАТКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ

В отличие от друга своей юности, Лукача, Блох, хоть и был всегда радикальным мыслителем, взглядов радикально не менял¹. И тем не менее — между его первой большой книгой («Дух утопии», 1918, 2-я редакция — 1923) и последней («Experimentum Mundi», 1975) лежит долгий путь, вехи которого во многом совпадают с центральными событиями интеллектуальной и политической жизни Европы. Жизнь Блоха подчинялась тому общему ритму, в котором живет и его философия: систолическо-диастолическому движению, «собираению», концентрации на одной центральной мысли и *explicatio*, как сказал бы Николай Кузанский, энциклопедическому разворачиванию этой мысли, ее реализации в самых дальних пределах культурного и исторического бытия².

Блох родился в Людвигсхафене в 1885 г., в семье и местности, никакого отношения к философской культуре не имевшим, однако уже в юности переписывался с Э. Махом, Т. Липпсом, Э. фон Гартманом и В. Виндельбандом (в те времена переписываться с известными философами было принято). В 1905–1906 гг. изучал германистику и философию у Липпса в Мюнхене, где познакомился помимо прочих с М. Шелером и другими феноменологами Мюнхенской школы, учился философии в Вюрцбурге в 1907–1908 гг. у О. Кюльпе (где изучал также физику и теорию музыки), затем в Берлине у Г. Зиммеля (1908–1911) и в Гейдельберге у М. Вебера (1912–1914).

Хотя диссертация Блоха («Критические размышления о Риккере и проблема современной теории познания»³) написана

¹ Более того, порой современникам он казался чересчур упрямым и бескомпромиссным. См., например: *Scholem G. Walter Benjamin — die Geschichte einer Freundschaft*. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1975. S. 103.

² См. об этом: *Holz H.H. Logos spermatikos. Ernst Blochs Philosophie der unfertigen Welt*. Darmstadt; Neuwied: Luchterhand, 1975. S. 103.

³ Издана в Людвигсхафене в 1909 г., частично переиздана в 1978 г. (TL, 55–107).

под влиянием Зиммеля, уже в 1-м издании «Духа утопии» Блох критикует своего учителя за то, что тот чрезмерно субъективен и чувствителен, путается в собственных мыслях и неспособен проникнуться ритмом предмета, главной целью, найти твердую почву для рассуждения (GU1, 246–247). В текстах Зиммеля Блоха не устраивал крайний релятивизм, он называл его «мыслителем “может быть”» (по-немецки эта квалификация звучит весьма уничижительно — «Vielleichtsdenker») и язвил, что даже релятивизм — слишком «строгая» для Зиммеля характеристика⁴. Но идею и настроение кризиса современной культуры, мысль о конфликте интеллектуалов и новой технической буржуазной цивилизации, самозабвенно воспевающей рассудок и прогресс, — все это Блох так или иначе унаследовал от Зиммеля и Вебера.

В диссертации Блох, полемизируя с неокантианцами, отстаивает представления о неопределенности исторического процесса, акцентирует роль выдающихся личностей и (неожиданных) великих событий в истории, наконец, ратует за новую метафизику, «которая не только формирует проблемное поле всеобщего мировоззрения, но и углубляет само проживаемое настоящее до тотального знания, в равной степени содержащего и тьму первоначала, и указания на тот мистический исход, к которому должны увлекаться вещи в своем движении (Prozess)»⁵. В этих словах, прежде каких бы то ни было судьбоносных влияний, уже выражена суть философских замыслов Блоха.

Большое воздействие на него, как и на многих других интеллектуалов его эпохи, оказали революционные события в России. Во время войны Блох жил в Швейцарии, где начал работать по заданию веберовского журнала «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» над исследованием швейцарских утопий и программ мироустройства. В 1920-х годах он приезжает в Берлин, где общается с Брехтом, Дёблином, Беньямином и Адорно, становится вместе с теми же Дёблином и Брехтом, а также Бехером, Максом Бродом, Музилом, Пискатором, Толлером и другими участником писательской «Группы 1925». Из Берлина

⁴ Wesen des “Vielleicht” bei Simmel (PA, 57).

⁵ См.: Bloch E. Kritische Erörterungen über Rickert und das Problem der modernen Erkenntnistheorie: Inauguraldiss. der Univ. Würzburg. Lüdwigshafen, 1909. S. 77 (Цит. по: Münster A. Utopie, Messianismus und Apokalypse im Frühwerk von Ernst Bloch. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1982. S. 50).

он постоянно уезжает (и из любви к путешествиям, и из-за дороговизны), странствует по Южной Европе и Африке.

С приходом фашистов к власти из-за еврейского происхождения и антинацистских взглядов Блох был лишен немецкого гражданства, выслан из Швейцарии и в 1938 г. после скитаний по Европе эмигрировал в США. За это время вышли такие его работы, как «Дух утопии» (1918, 2-я редакция — 1923), «Томас Мюнцер как теолог революции»⁶ (1921), сборник эссе, рассказов и афоризмов «Следы»⁷ (1930), социально-политический и философско-идеологический труд «Наследие нашей эпохи» (1935). В США Блох написал свой *opus magnum* — трехтомный энциклопедический «Принцип надежды» (опубликован в 1954–1959), — монографию о Гегеле «Субъект — объект. Комментарий к Гегелю» (1949) и работу «Естественное право и человеческое достоинство» (опубликована в составе собрания сочинений в 1961). В 1949 г., вернувшись из США, Блох становится профессором Лейпцигского университета, а после эмиграции в ФРГ в 1961 г. и до конца жизни преподает в Тюбингене. В 1959–1978 гг. западногерманское издательство «Suhrkamp» издало 17 томов его собрания сочинений.

Политические взгляды Блоха можно кратко и просто назвать социал-демократическими; кроме того, он примыкал к антифашистскому движению. Когда в 1959 г. в ФРГ вышел «Принцип надежды», эту книгу воспринимали как начало диалога между

⁶ «Томас Мюнцер» отчасти написан в pendant к знаменитой работе Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Название же первой книги Блоха — «Дух утопии» — отсылает и к Веберу, и к Монтеスキё. При этом веберовская идея взаимозависимости религиозных и социально-экономических форм мысли и социальной организации у Блоха тоже претворяется в жизнь, но иначе: как связь мистического атеизма и протестарской революционности (*Bolz N. Mystische Theokratie // Religionstheorie und Politische Theologie. Bd. 3: Theokratie. München u.a.: Fink: Schöningh, 1987. S. 305*).

⁷ В названии книги отражено не только увлечение Блоха приключенческими романами Карла Мая, герои которых нападали на следы диких зверей или индейцев, но и латинское слово *spes*, или *spero* (надежда) (*Weissberg L. Philosophy and the Fairy Tale: Ernst Bloch as Narrator // New German Critique. 1992. Winter. No. 55. P. 35*). Блоха, конечно, интересуют метафизические следы, следы внезапных озарений и новых идей, оставшиеся в повседневной жизни, следы, в которых есть и намек на разгадку тайны, и желание поиска, и неопределенность в том, чем этот поиск может кончиться.

Востоком и Западом, а Блоха — как главного философа ГДР. И тем не менее, вступив еще в 1957 г. в конфликт с властями, после возведения Берлинской стены в 1961 г. Блох вынужден был остаться в ФРГ, где издатели перед публикацией осмотрительно вымарали из «Принципа надежды» большинство ссылок на Сталина. Радикализм и коммунистические убеждения Блоха привлекали к нему молодежь, особенно в революционные 1960-е годы, когда он продолжал активную политическую и общественную деятельность, общаясь, например, с Руди Дучке и с писателями из «Группы 47».

Еще в начале XX в. читатели были поражены профетической стилистикой Блоха — и в текстах, и в обращении. При всем декларируемом им гуманизме он был весьма авторитарным мыслителем — даже в голосе его, оставшемся на нескольких записях, было что-то фюрерское, какая-то жесткость и бескомпромиссность, пленявшая сердца, но многих (например Вебера) пугавшая⁸. Она, по-видимому, была отражением известной закономерности, присутствующей в отношениях интеллектуалов и власти: постоянным желанием инверсии, полного переворачивания отношений, стремления интеллектуалов — самых радикальных, самых далеких от конформизма и конъюнктуры — *стать властью*, обрести авторитет, подчинять, пленять, вести за собой. Надо признать, что Блох тоже отдал дань советской пропаганде — в его работах 1940–1950-х годов воспевается коммунистическое государство. Впрочем, он не стал ни официальным идеологом ГДР (как поэт Бехер), ни диссидентом: уехать его вынудили те, кто — совершенно справедливо — не считал его взгляды полностью ортодоксальными. ГДР для Блоха не могла стать страной «победившей» утопии, ведь философия надежды учит не останавливаться на достигнутом и отвоевывать свободу даже при социализме. К тому же Блох всегда был подчеркнута маргинален — по отношению и к ортодоксальной марксистской философии, и к «правому» мышлению, и уж тем более — к наукообразному философствованию. Было что-то трагическое и вместе с тем неизбежное, само собой разумеющееся в том, что именно Блох и Лукач — те, кто в XX в. придали

⁸ Ю. Хабермас тоже считал, что философия Блоха граничит с тоталитарным мышлением: *Habermas J. Ernst Bloch, ein marxistischer Schelling // Habermas J. Philosophisch-politische Profile. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1971. S. 164.*

марксизму подлинно глубокий смысл, сделав его философией революции и эмансипации, — в коммунистических странах были вытеснены на задворки интеллектуальной жизни.

Важным фактором интеллектуальной эволюции Блоха оказался экспрессионизм⁹, во многом предопределивший как его эстетические взгляды, так и литературный стиль. Ранний Блох, подобно экспрессионистам, настороженно относился к природе и к внешнему миру вообще. Один из самых талантливых поэтов экспрессионизма, Георг Гейм, в своем сборнике «Вечный день» (1911) описывает природу как «мертвецкий край», в пейзажи его проникают образы смерти — идиллическая картина намеренно разрушается и заменяется образами хаоса и распада¹⁰. Блох в «Духе утопии» тоже описывает природу как темницу, гроб, из которого стремится вырваться жаждущая новых откровений душа (GU2, 208). Впрочем, и Гейм, и Готфрид Бенн, несмотря на все свое бесконечное презрение к буржуазной жизни, отстояли от Блоха гораздо дальше, чем политически ангажированные экспрессионисты-«революционеры» (такие, как ранний Бехер или Толлер). Блох — их последователь, явно претендовавший на роль главного философа экспрессионизма, разделял с ними

⁹ Теодор Адорно пишет: «Философия Блоха — это философия экспрессионизма, ибо она исповедует примат выражения над содержанием, помня не столько о том, что слова служат для толкования понятий, сколько о том, что понятия служат возвращению слов к себе домой» (*Adorno T.W. Blochs Spuren // Noten zur Literatur II. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1961. S. 144*). Однако в другой, ранней работе Адорно утверждает, что экспрессионизм — это отказ от самоуглубления, чистый выкрик, направленный из себя и против мира (*Adorno T.W. Expressionismus und künstlerische Wahrhaftigkeit // Gesammelte Schriften. Bd. 11 (Noten zur Literatur III). Fr.a.M.: Suhrkamp, 2003. S. 609–612*). Такая характеристика не очень соответствует тону и настроению главной экспрессионистской книги Блоха — «Дух утопии», — в центре которой — встреча с самим собой. Да и в целом это оценочное суждение Адорно, вне контекстов и более точных квалификаций, как было показано впоследствии (*Ujma S. Ernst Blochs Konstruktion der Moderne... S. 234–235; Czajka A. Poetik und Ästhetik des Augenblicks. Studien zu einer neuen Literaturauffassung auf der Grundlage von Ernst Blochs literarischem und literaturästhetischem Werk. Berlin: Duncker & Humblot, 2006. S. 101ff.*), привело лишь к путанице, и тема стилистической преемственности Блоха и экспрессионистов еще не получила должной разработки.

¹⁰ См., например, стихотворения «Дерево», «Утопленница», «Мертвецкий край» (*Гейм Г. Небесная трагедия. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 60–61, 74–75, 92–97*).

в 1910-е годы одно убеждение: необходимо полностью разрушить современный мир, только так возможно его радикальное обновление.

Язык Блоха труден, порой нарочито загадочен, многие пассажи нуждаются в дополнительных комментариях, а стилистика его текстов, как у любого апокалиптического писателя, не способствует «ясности философских различений»¹¹. Но когда эта философия разворачивается — в эстетике, политике, в диалоге с современниками, — она, безусловно, становится яснее, мы начинаем понимать, в чем могут состоять ее смысл и предназначение. В поздних сочинениях («Принцип надежды»¹², «Тюбингенское введение в философию») Блох развивает свою философию утопии и не только составляет компендиум утопических мотивов в мировой культуре (в музыке, литературе, религии и политике), но и создает особую, «добытийную» онтологию, онтологию «еще-не-бытия» (*Ontologie des Noch-Nicht-Seins*), пытаясь возродить на основе диалектического материализма тот дух натурфилософской спекуляции, который был характерен для Бруно, Гёте и немецких романтиков¹³. Блох подвел итог этим размышлениям в своей последней книге «*Experimentum Mundi*». Попытавшись создать систему категорий, он еще раз показал, что его мышление совершенно чуждо систематичности в обычном смысле слова — как некоторой упорядоченности в соответствии с заранее заданной логикой организации мысли и мыслительного материала. Вспоминая философские искания своей юности, Блох как-то процитировал собственный ранний отрывок:

¹¹ Булгаков С.Н. Апокалиптика и социализм // Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 395. Согласно некоторым экзотическим предположениям (*Zuideick P. Der Hintern des Teufels. Ernst Bloch — Leben und Werk. Baden-Baden; Moos: Elster, 1985. S. 222f.*), этот загадочный стиль был средством уйти от политического контроля в тоталитарной системе ГДР. Однако простое сравнение текстов 1920-х и 1950-х годов показывает, что не это главное.

¹² Некоторые авторы сравнивают структуру «Принципа надежды» со структурой «Феноменологии духа»: сочинение Блоха начинается с описания аффектов ожидания и предвосхищения будущего, затем (во 2-м томе) дан анализ политических, религиозных и литературных утопий, а в конце книги идеи утопической философии излагаются применительно к формам «абсолютного духа»: к искусству, религии и философии.

¹³ Именно поэтому Хабермас назвал Блоха «марксистским Шеллингом» (см.: *Habermas J. Ernst Bloch, ein marxistischer Schelling*).

Мысли в системе — как оловянные солдатики, их, конечно, можно расставлять как угодно, но царства с ними не завоеешь. Наша философия всегда была подвешена на грамматическом гвозде или на систематике престарелых, взыскующих спокойной жизни господ; наука — это жизнь, из которой извлекается корень, искусство — потенцированная, возведенная в степень жизнь, а философия? Кровь наша должна стать как река, плоть — как земля, кости — как скалы, мозг — как облака, глаз — как солнце (S, 70).

Блох не был чужд многовековой традиции западного мышления. Большое впечатление на него произвели Аристотель и средневековый аристотелизм¹⁴, неоплатонизм, иудейская и католическая мистика средневековья. Безусловным авторитетом была гегелевская диалектика, и с самого начала в его текстах ощутимо воздействие философии жизни и концептуальных построений Эдуарда фон Гартмана¹⁵. Неслучайно Блох — автор нескольких историко-философских книг, которые для него были, конечно, способом перетолкования философии прошлого, ее адаптации к собственной мысли. Эти исследования посвящены развитию материалистических представлений («Проблема материализма», 1972), христианской религии, которую Блох подвергает последовательной антропологизации, и теологии («Атеизм в христианстве», 1968)¹⁶, системе Гегеля («Субъект — объект...»). Блох отнюдь не считал свою философию оригинальной:

Утопически чаемое лежит в основе всех освободительных движений, и каждому христианину о нем по-своему известно... из книги «Исход» и из мессианских фрагментов Библии. Да и взаимопроникновение имени и не-имения, обуславливающее томление, надежду, стремление вернуться, наконец, домой — всегда так или иначе присутствовали в великой философии. И не только в платоновском эросе, но и в важном

¹⁴ Блох написал об этом книгу «Авиценна и левый аристотелизм» (*Bloch E. Avicenna und die aristotelische Linke*. Berlin: Rütten & Loening, 1952).

¹⁵ О влиянии Гартмана см.: *Christen A. Ernst Blochs Metaphysik der Materie*. Bonn: Bouvier, 1979. S. 170ff. Впрочем, гартмановского пессимизма и иррационализма Блох не принимал (*Eduard von Hartmanns Weltprozess // PA*, 197–203).

¹⁶ Блох — один из тех, кто стоял у истоков современных дискуссий в радикальной теологии, создав так называемую «теологию действия» (*Munich D. Ernst Bloch et la théologie de l'action // Europe*. 2008. Mai. P. 109–118). См.: *Moltmann J. Theologie der Hoffnung*. München: Chr. Kaiser Verl., 1964.

и многозначном понятии материи у Аристотеля... и в лейбницевском понятии тенденции. Непосредственно действует надежда в кантовских постулатах морального сознания, а опосредованная миром — в исторической диалектике Гегеля (РН, 17).

Общую характеристику философии Блоха нельзя начинать, не сказав об особом отношении, которое было у него к музыке и исток которого — в давних традициях западной мысли. Музыка наиболее отчетливо выражает мимолетность «исполненного мгновения», которая «расцвела... когда всякое видение, ясно-видение, видимый мир, да и следы Бога в видимом мире распались» (GU2, 198). В музыке мы избавляемся от всяких видимых образов, к которым привыкли в общении с внешним миром, в звуке нам открывается внутренняя, чистая реальность души. Музыка — самое «подвижное» из искусств, в ней предьявлена непосредственность субъективного переживания, она реализует мгновенные переходы, и с нею можно сорваться в бездну и, наоборот, взмыть ввысь, в музыке самая незначительная тема может стать определяющей. Непосредственность восприятия музыки напоминает нам и о пифагорейской гармонии сфер¹⁷, и о звуке трубы апокалипсиса, о тех, кто внемлет Слову, не видя Бога. И неслучайно музыка у Блоха — самое утопическое из искусств, хранящее длительность, позволяющее пережить изнутри и объективировать вовне «кристаллическую ноту», которая в утопическом понимании есть внутреннее беспокойство бытия.

С музыкальностью связано и то, как в «Духе утопии» Блох культивирует предельную чувствительность к незначительным предметам. Сосуществование с искусством, попытка разглядеть и расслышать вещи и звуки в их незаметном, непритязательном существовании приводят его к стремлению отыскать за ними грядущую утопическую общность и встретиться с самим собой.

Основной эстетической категорией у позднего Блоха становится не явление (Schein), традиционно связываемое с артефактами искусства, а «пред-явление» (Vor-Schein), предвосхищение, поиск реальных, латентных возможностей мира, фаустовский

¹⁷ Идея гармонии сфер стала моделью и для понятия истины у Бенямина. См.: *Бенямин В.* Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф, 2002. С. 17–18.

эксперимент. Предметное содержание искусства всегда отсылает к чему-то непроявленному, всегда выходит за свои пределы. Именно так трактуются аллегория и другие символические формы. Не художник, а сам мир преступает свои границы, «предъявление» у позднего Блоха — всецело имманентная категория. Отсюда же — необходимость «объективной» утопической герменевтики, ибо сам художественный акт укоренен в утопической функции — одной из первых характеристик сознания.

Исследовательский интерес к философии Блоха, совместившего в своих работах опыт авангардного искусства, творческий марксизм и мистический гнозис, конечно, не случаен. Большинство интерпретаторов сходится на том, что Блох не создал целостной философской системы, но его стиль и направленность его идей оказали серьезное воздействие как на мировоззрение выдающихся современников (Лукач, Беньямин, Брехт, Адорно, Кракауэр), так и на последующую философию. Влияние Блоха испытали Э. Левинас, Ю. Мольтман, Ю. Хабермас, о нем писали — по разным поводам — Г. Гессе, Э. Хобсбаум, Х. Шельски, Ж.-Ф. Лиотар, Ф. Джеймисон, У. Эко, Дж. Ваттимо, Дж. Агамбен и даже Й. Ратцингер. Его внимательно читали такие неотъемлемые от XX в. авторы, как, например, Томас Манн и его сын Клаус, Эрих Фромм и Анри Мишо.

Ключевые темы философии Блоха — теория и история утопии, концепция неодновременности, проблемы гуманистического марксизма, эсхатологическая философия истории, атеистическая концепция христианства, реабилитация натурфилософии, новые версии левой эстетики и политики — стали частью европейской культуры в «большом времени». Сегодня это не просто напоминание о полузабытой философско-теологической или политической дискуссии, а выдающееся свидетельство своего времени, памятник и вместе с тем живая философия. Почти в каждой работе, посвященной утопическому мировоззрению, мы встречаем мотивы или идеи Блоха, поскольку он был первым, кто в XX в. придал утопии смысл и сумел создать нетривиальную модель утопического сознания.

УТОПИЯ

Уже в «Духе утопии» Блох обозначил область своих философских исканий. Речь идет об особой духовной установке (отож-

дествляемой с некоторыми живыми формами сознания, «гештальтами») — *диалектически осмысленной устремленности к будущему*. Эту установку «философ Октябрьской революции»¹⁸ связывает с «конкретной», становящейся *утопией*, то есть не с чем-то заведомо неосуществимым, а с реальной возможностью, ждущей своего воплощения. Для характеристики «конкретной» утопии он задействует знаменитое определение коммунизма из «Немецкой идеологии»:

Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает (aufhebt) теперешнее состояние¹⁹.

Утопия конкретна потому, что укоренена в объективной действительности, диалектически этой действительностью опосредована (иногда Блох «абстрактную» утопию называет утопизмом). Вместе с тем утопическое мышление не есть просто теория мира, оно всегда революционно:

Революции осуществляют древнейшие надежды человечества — именно поэтому они предполагают, требуют все более точной конкретизации того, что понимается под царством свободы, и открытого пути туда (РН, 206).

Блох любил цитировать высказывание Фр. Баадера:

Фундаментальный человеческий предрассудок — уверенность, будто то, что люди зовут миром грядущего, — это некая вещь, созданная для человека и завершенная, существующая и без него, словно построенный дом, куда этому человеку нужно лишь войти, тогда как на самом деле мир сей есть здание, строитель которого — тот самый человек и которое вырастает лишь вместе с ним²⁰.

¹⁸ Именно так назвал Блоха О. Негт. См.: *Negt O. Nachwort zu: E. Bloch. Vom Hasard zur Katastrophe*. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1971. Впрочем, отношение Блоха к этой революции отнюдь не было простым и однозначным, особенно в свете его почти анархистских взглядов, прокламируемых в «Духе утопии» (GU2, 299–302), и политических статей тех лет, где Ленин фигурирует как «красный царь» и «новый Чингисхан» (*Franz T. Philosophie als revolutionäre Praxis // Ernst Bloch. Sonderband Text + Kritik*. München: Edition Text + Kritik, 1985. S. 239–273).

¹⁹ *Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч.: в 39 т. 2-е изд. Т. 3. 1955. С. 34.*

²⁰ *Baader Fr. Werkausgabe. Bd. VII. S. 17. Цит. по: Habermas J. Ernst Bloch, ein marxistischer Schelling. S. 152.*

В этом отрывке ясно видны истоки мысли Блоха, его *активизм*, который имеет в первую очередь политическое происхождение. Утопия лежит в основе созидательного отношения человека к миру, поэтому она — фундамент всякой культуры. В «Принципе надежды» Блох пишет об утопической функции, не сводя утопию к идеологии и не противопоставляя их, как это сделал его современник и знакомый Карл Маннгейм. Утопия — это, как точно выразился Б. Шмидт, «фермент», в котором есть и критическое начало по отношению к существующим идеологемам и институтам, и облик будущего мира²¹, без которого для Блоха невозможны ни этика, ни подлинная социальность. При этом утопия всегда остается неопределенной, противится планомерности, не исключая поиска целей²² и все новых и новых проекций в будущее, а напротив, способствуя им, идеология же — не просто устоявшаяся, реализованная утопия, в любой идеологии всегда есть утопический «избыток», нечто поверх status quo. Утопическому сознанию свойственна особая «меланхолия исполненных желаний» (*Melancholie der Erfüllung*, см.: РН, 348ff.), неудовлетворенность даже тогда, когда, казалось бы, все уже получилось.

Блох замечает, что метафизика должна быть направлена на *ожидание* утопии, на томление по утопии, а не на ее содержание, и здесь решающую роль играет искусство. Искусство как «смещенное провидческое дарование» (GU2, 150), как медиум, пространство между эмпирией и трансцендентностью, есть необходимый элемент апокалиптического проекта, движения к освобождению и искуплению человечества. Именно поэтому в искусстве и художник, и зритель/читатель могут обрести самих себя. Изобилующее тропами мышление Блоха оказывается разросшейся во все стороны света аллегорией, неизбежной для философа утопии, обосновывающего необходимость и политический смысл аллегорий и символов как в своих полухудожественных и эссеистических текстах, так и в эстетических работах.

В «Духе утопии» ни природа, ни общество не могут претендовать на то, чтобы стать пространством освобождения, утопия — событие внутреннего мира (GU2, 201), «исход всякого томления

²¹ Schmidt B. Ernst Bloch. Stuttgart: Metzler, 1985. S. 127–128.

²² Ueding G. Blochs Ästhetik des Vor-Scheins — Ein Kommentar (1974) // Ueding G. Utopie in dürftiger Zeit. Studien über Ernst Bloch. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2009. S. 161.

по богоподобию, в омеге, которая есть... альфа — без господства, с общиной, без мира сего, с царством» (GU2, 272). Но в поздних работах это не только мечтание о лучшей жизни, не только социальная утопия, призыв к общественному переустройству, но и *природная* (не сводящаяся к технике) утопия. Телеологическое, натурфилософское, качественное, а не количественное видение природы порождает утопический идеал Блоха — труд, который, как это сформулировал Беньямин, «не эксплуатируя природу, способен помочь ей разродиться творениями, дремлющими в зародыше у нее во чреве»²³.

Природа у Блоха — это и эстетический феномен, требующий герменевтической расшифровки. Но красота природы возможна только потому, что она есть отражение субъект-объектного опосредования, а не просто субъективная и случайная оценка (здесь эстетика Блоха расходится с гегелевской). «Предъявление» бытия как утопии происходит не только в искусстве, но и в природе, которая символична и подлежит истолкованию. Трудящийся у Блоха — это субъект истории, но есть субъект и в природе, и этот «субъект-природа» (Natursubjekt) выступает как источник жизненной динамики в ней (РН, 786).

Вот как (намеренно используя гегелевские обертоны) пишет Блох о природе, часто называя ее материей:

Материя — это бурлящее лоно субстанции, которая вначале как бы порождает себя, то есть развивает, проясняет и формирует. То, что бурлит, бродит, — и есть субъект материи, а возникающий цветок или плод (на темном, многотрудном и запутанном пути процесса) — субстанция этого субъекта (М, 375).

Такое понимание природы нашло отзвук и в классическом марксизме, на что неустанно указывал Блох:

Первым и самым важным из природенных свойств *материи* является *движение* — не только как *механическое* и *математическое* движение, но еще больше как *стремление* (*Trieb*), *жизненный дух*, *напряжение* или, употребляя выражение Якоба Бёме, *мука материи*²⁴.

Не следует понимать сказанное в том духе, что человек у Блоха всецело определяется природой: ему очень важно сохранить

²³ Беньямин В. О понятии истории // Новое лит. обозрение. 2000. № 6 (46). С. 85.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Соч. Т. 2. 1955. С. 142.

свободное творческое деяние как основу человеческого бытия. Животные и растения хоть и части природы, но в отличие от человека лишены возможности утопического сотворения своего будущего. Материализм в обычном понимании для позднего Блоха лишен смысла, он скорее *реалист* в духе Шеллинга²⁵. Без субъекта ситуация перехода от постулативной, проективной возможности к реальному осуществлению утопии невозможна²⁶.

Итак, утопическое сознание у Блоха конкретно и объективно не только потому, что в нем должны учитываться объективные условия и формы бытия, но и потому, что материальная, природная реальность тоже существует в модусе утопии, динамического предвосхищения и реализации новых возможностей, дышит воздухом иного мира. Как писал Новалис, «человек не говорит в одиночку — универсум тоже *говорит* — бесконечными языками»²⁷. Утопия у Блоха — это возможность речи, способность к высказыванию посреди немого и однообразного ландшафта привычной жизни. Это неоконченный процесс достижения соответствия между человеком и миром, вторжение утопической действительности, имеющей *ценностную* природу, в тавтологию повседневности, продуктивное и деятельное начало человеческого существования.

МЕТАФИЗИКА МГНОВЕНИЯ

Суметь расслышать и понять то, что подсказывает «натура» или непредвиденные точки в зачатой ваших замыслах декорации. Суметь вслушаться в то, о чем, слагаясь, говорят монтажные куски, сцены, живущие на экране своей собственной пластической жизнью, иногда далеко за рамками породившей их выдумки, — великое благо и великое искусство.

Сергей Эйзенштейн. Двенадцать апостолов.

Утопический messiанизм Блоха нуждался в особой метафизике, отличающейся от греческой, взыскующей не начал, а концов²⁸,

²⁵ Christen A. Ernst Blochs Metaphysik der Materie. S. 193–194.

²⁶ Schiller H.-E. Kant in der Philosophie Ernst Blochs // Schiller H.-E. Bloch-Konstellationen. Utopien der Philosophie. Lüneburg: zu Klampen, 1991. S. 86.

²⁷ Novalis. Das Allgemeine Brouillon. Nr. 143 // Werke. Bd. 2. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchges., 1999. S. 500.

²⁸ Landmann M. Das Judentum bei Ernst Bloch und seine messianische Metaphysik // Landmann M. Jüdische Miniaturen. Bd. I. Messianische Metaphysik. Bonn: Bouvier, 1982. S. 171–172.

не оснований, а перспектив. Еще одним важным ее свойством был исходный пункт: новые формы обретались в переживаниях повседневности²⁹. Пройдя феноменологическую выучку и внимательно прочитав Зиммеля, Блох сам принялся перетолковывать этот опыт и, пытаясь уйти от абстрактных понятий, обнаружил *мгновение*.

Опыт мгновения, согласно его текстам, есть прежде всего опыт отсутствия всякого опыта, поскольку суть мгновения — в его темноте, оно мимолетно и не переживается нами непосредственно. Темнота мгновения, по Блоху, — это характеристика изначальной экзистенциальной ситуации человека³⁰, то есть категория *антропологическая*, а не только гносеологическая, и суть ее — в непроявленности существенных свойств человека как для него самого, так и для окружающих³¹. У человека нет органа для постижения самого себя, он остается слепым пятном собственного восприятия, упираясь в то, что Сартр назвал «дореклексивным cogito»³². Вообще, чем ближе к нам находится что-либо, тем непрозрачнее оно для сознания. Это верно и в пространственном смысле — глаз не видит самого себя, — и, что особенно важно, в смысле времени: особенно непрозрачно то мгновение «теперь» (Jetzt), которое проживается нами постоянно.

Темнее всего остается для нас само «теперь», в котором мы, живущие, постоянно находимся. «Теперь» — это место, где только и находится самый непосредственный центр переживания, находится под вопросом (РН, 312).

И выше:

Темнота ныне проживаемого мгновения указывает именно на это неимение себя, которое присуще *осуществляемому*... именно это не-

²⁹ См. об этом, например: *Ueding G. Geschichten aus dem undeutlichen Leben // Ueding G. Utopie in dürrtiger Zeit...* S. 42.

³⁰ *Вершинин С.Е. Жизнь — это надежда...* С. 94.

³¹ Человек «находится в противоречии ко всем тем своим уже имеющимся определениям, которые хотят быть окончательными» (РА, 158. Цит. по: *Вершинин С.Е. Указ. соч. С. 94*). Впрочем, Блох, особенно в поздний период, не называл свою философию антропологией, считая это неоправданным сужением ее предмета, *pars pro toto* (*Landmann M. Talking with Ernst Bloch: Korcula, 1968 // Telos. 1975. Vol. 25. P. 182*).

³² См. об этом: *Blumentritt M. Das Dunkel des gelebten Augenblicks und das präreflexive Cogito // Existenz & Utopie (Sonderband v. System & Struktur. Bd. VII. Hf. 1–2). Cuxhaven; Dartford: Junghans, 1999. S. 23–38.*

достигнутое, незавершенное в осуществляемом оттеняет, оттесняет «здесь и теперь» осуществленного... осуществленное упруго и вместе с тем слегка затенено, *ибо в самом осуществляемом есть нечто, что еще не осуществилось* (РН, 221).

Темные мгновения могут выстраиваться чередой абстрактных, повторяющихся, будничных моментов жизни (в конце концов, время только из мгновений и состоит), сопровождаемых смутным ощущением чуждости самому себе, но мгновение может стать и событием, которое есть разрыв гомогенного времени и которому придается аффективный смысл. Блох совмещает мистический смысл мгновения как выпадения из времени в вечность, в полноту времён —

Не само время, но мгновение как то, что, будучи во времени, ему не принадлежит, общается с вечностью, в которой только и находит себя абсолютная радость (РН, 1548), —

и идею мгновения «теперь», незаметного, темного, но составляющего самую суть времени, ибо время и есть способ выхода из этой тьмы (ЕМ, 104).

С мгновения как события всякий раз словно заново начинается история мира³³. Такому «разрывному» характеру события соответствует индивидуация предметов (ведь опыт предметен). Темнота мгновения постигается в обычно незаметной — потому что предельно к нам близкой — предметности: «Последнее потустороннее есть ближайшее наше посюстороннее, наиболее имманентное» (РН, 1534).

Но в чем именно состоит это событие, где можно встретиться с ним? Мгновение часто фиксируется у Блоха как переживание счастья, которое хочется продлить, как внезапная встреча, узнавание, как момент революционного решения, кайрос, исторический контрапункт, в котором перекрещиваются разные тенденции, когда мы можем или проиграть все, или же все выиграть, момент, который мы должны измерить и испытать, — эту меру и дает нам художественный образ (РН, 1549). Блох особенно подчеркивает чувство удивления преходяще-

³³ В «Тюбингенском введении в философию» Блох понимает это весьма конкретно, отказываясь мыслить начало мира как сотворение его в некоем правремени или как «большой взрыв», утверждая, что оно — в актуальности, в имманентном современности, близком нам времени (ТЕ, 275).

стью момента — в мгновении конституируется философская субъективность; с мгновения начинается философствование³⁴, в нем, как в линзе, собираются разные лучи: этика блаженной, счастливой жизни, художественный опыт и экзистенциальное переживание времени.

Метафизическая интерпретация мгновения начинается с того, что в нем ищется субстанциальное ядро идентичности, самости, которому приписывается воля к свидетельствованию, к присутствию. Обстоятельства и предметность мгновения становятся символами, указующими путь к его разгадке. К ней и устремлена вся философия Блоха: он стремится проникнуть внутрь этой непосредственности и быть соразмерным ей — философски, политически и эстетически. Рваный пульс этих мгновений, вторгающихся во время, кладется в основу понятия длительности и непрерывности потока переживаний (РН, 339), искусственно сконструированного виталистами и философами жизни. Первичной оказывается не длительность, а наоборот — прерывность. Именно из прерывности мгновения постигается истина утопии, осознается пробуждение к новой жизни.

Когда Блоху не хватает концептуальных ресурсов, он прибегает к литературным образам. Но дело не только в том, что он таким образом заделывает прорехи утопического умозрения. Литература помогает метафизике, без нее смыслы выцветают, сбивается мыслительный ритм. Поэтический язык концентрирует и реализует тот самый опыт мгновения, о котором стремится рассказать философия, и вместе с тем показывает неокончателность, условность его, позволяет подняться над уровнем грубых фактов, не теряя «фактурности».

Блоха, например, завораживает то удивление, которое сопутствует мгновению счастья. В «Следах» есть обширный комментарий к одной сцене из романа Гамсуна «Пан»:

Вы только подумайте! Или, бывает, увидишь синюю муху. Да нет, разве словами такое выскажешь, я даже не знаю, понимаете ли вы меня?

— Да, да, я понимаю.

— Ну вот. А иной раз смотрю я на траву, и она прямо так и смотрит на меня, честное слово. Я смотрю на малую былинку, а она дрожит, и

³⁴ «Мы рождаемся как философы, но быстро отвыкаем от этого изначального качества, ведь вопрошание может оказаться неудобным» (Bloch E. Abschied von der Utopie? Vorträge / Hrsg. u. mit einem Nachwort vers. v. H. Gekle. Fra.M.: Suhrkamp, 1980. S. 120).

ведь неспроста же. И я тогда думаю: вот стоит былинка и дрожит! Или глянешь на сосну, и всегда выщется сучок, от которого глаз не отвести; и о нем еще подумается. А иной раз и человека встретишь в горах, бывает и такое...

— Я понимаю, — сказала она и распрямилась.

Упали первые капли.

— Дождь, — сказал я.

— Ах господи, дождь, — сказала она и тотчас пошла³⁵.

Образ мира, полного загадок, непрозрачного и нестабильного, становится у Блоха символом вечной молодости, остранныго недоумения, в присутствии которого вновь и вновь оживает истинная метафизика, стремящаяся постичь главную тайну мира. Девушке, удивившейся таким простым вещам, внезапно открылся «исток всякого вопрошания» (S, 216).

Весь тот трепетный пантеизм, которым живет некоторое время лейтенант Глан у Гамсуна, признающийся в вечной любви бытию, совсем по-детски, непосредственно и искренне вживающийся в этот мир и участвующий в его созидании, — невысказанным вне литературного опыта. Это детское ощущение удивления миру воплощено в литературе и как сказка, в которой сама ситуация переживания чуда — совершенно необходимый, конститутивный момент. Техника философского письма у Блоха (особенно в «Следах») близка той форме устного нарратива, с помощью которой обычно характеризуется поэтика сказки, — Блох стремится сохранить *непосредственность* сообщения³⁶ и вместе с тем ситуацию непонятности, несоразмерности происходящего, когда читатель нуждается в разъяснениях.

И неслучайно он обращается к «Письму лорда Чандоса» Гуго фон Гофманстля, в котором вымышленный лорд говорит, что потерял способность к литературному творчеству, красиво рассуждая о том, что ему нужен другой язык — не латынь, не английский, а тот язык, на котором с ним говорят немые вещи и на котором он, должно быть, по ту сторону могилы будет держать ответ перед высшим своим Судией³⁷. Вдохновляют лорда Чандоса вещи самые простые, неказистые — собака, греющаяся на солнце, бедное кладбище, крестьянский дом. Они становятся,

³⁵ Из гл. 9. Пер. Е. Суриц. См. у Блоха: S, 216.

³⁶ Weissberg L. Philosophy and the Fairy Tale... P. 30.

³⁷ Гофмансталь Г. Письмо // Избр. М.: Искусство, 1995. С. 528.

как на картинах Ван Гога, средоточием универсальности, сиянием вечности в настоящем.

Другой полулитературный пример, важный для метафизики мгновения, — еврейский анекдот, который Блох приводит в «Следах», а Беньямин — в своей большой статье о Кафке:

Рассказывают, что в одной хасидской деревне как-то вечером на исходе субботы в бедной корчме сидели евреи. Были все они местные, кроме одного, которого никто не знал, — этот был совсем уж нищий и жалкий оборванец, что примостился в самом дальнем и темном углу. Разговаривали о том, о сем, пока один не предложил каждому вообразить, что ему исполнят одно желание, и спросил, кто что себе бы пожелал. Один пожелал себе денег, второй — зятя, третий — новый верстак, и так по кругу, покуда каждый не высказался и не остался только нищий в темном углу. Он долго отнекивался, наконец неохотно и нерешительно ответил: «Я хотел бы быть всемогущим царем великой страны, и вот лежал бы я ночью в своем дворце и спокойно спал, а в это время через границу в страну вторгся бы неприятель и еще до рассвета его конница прорвалась бы до самых стен моей столицы, не встретив сопротивления, и я, прямо спросонок, даже не успев одеться, в одной рубашке, вынужден был бы спастись бегством и бежал бы через горы и доли, лесами и полями, днем и ночью, без отдыха и срока, покуда, спасшийся, не оказался бы вот на этой скамье в самом темном углу вашей харчевни». — Остальные евреи недоуменно переглянулись. «Ну и что бы тебе дало это твое желание?» — спросил, наконец, один из них. — «Рубашку», — последовал ответ³⁸.

Беньямин очень любил эту историю, даже опубликовал ее отдельно, в статье же использовал как иллюстрацию, чтобы показать, как искривляется время в восприятии персонажей Кафки, как стряхивают они с себя груз прошлого и обязательства перед будущим. У Блоха акцент иной. История нищего начинается у него в *солагательном* наклонении, как и у Беньямина, но потом переходит в *praesens historicum* и оттуда — внезапно, курсивом — в *praesens*. «За десять дней — до границы, где меня больше никто не знает, и я попадаю к другим людям, которым ничего обо мне неведомо, которые ничего от меня не хотят, спасен и *со вчерашнего вечера сижу здесь*» (S, 98–99). История называется «Падение в теперь», и Блох стремится показать, как в обычном анекдоте, зафиксировав это внезапное вторжение подлинного

³⁸ Беньямин В. Франц Кафка. М.: Ad Marginem, 2000. С. 87–88. См. также: Der Wunsch // GS IV. S. 758f.

настоящего, а не грёз, мы можем сподобиться прозрения, осознав не только всю неслыханную, неизмеримую глубину настоящего, но и истинное наше предназначение, ощутив хотя бы намек на него. Мгновение дает нам как бы проникнуть внутрь времени, понять его существо и, что немаловажно, постичь неприглядные истины нашего социального бытия.

Другой способ сквозь мгновение разглядеть само время — моменты дежавю, которым Блох посвятил специальную статью³⁹, разбирая, в частности, новеллу Тика «Белокурый Экберт». Внезапно осознав, что мы где-то уже видели переживаемое здесь и сейчас, мы сбиваем привычный ход времени, ощущая чистую форму темпоральности и вместе с тем переживая мгновение своей растождественности с ней, утраты очевидности, которая утверждается обычным положением вещей и привычным течением времени.

Блох отказывается просто описывать эти мгновения, ограничиваться их созерцанием, погружением в непосредственность жизни, как Дильтей⁴⁰, он стремится *из их необъективируемости вывести динамику мира*, причем акцент всегда делается не на самом переживаемом, а на характере переживания. В мгновениях обитает надежда, предчувствуется победа над смертью⁴¹, а у раннего Блоха — конец мира.

³⁹ Bilder des Déjà vu // LA, 232–242.

⁴⁰ «...[П]оток времени в строгом смысле слова не может переживаться. Присутствие прошлого заменяет нам непосредственное переживание. Желая наблюдать время, мы разрушаем его наблюдением, так как в наблюдении время фиксируется, схваченное вниманием; наблюдение останавливает текущее, становящееся. Мы переживаем лишь изменения того, что только что было, переживая при этом и то, что эти изменения только что бывшего продолжают. Но сам поток мы не переживаем. Мы переживаем некоторое состояние, возвращаясь назад к тому, что мы только что видели и слышали, и мы все еще можем обнаружить это» (*Дильтей В.* Построение исторического мира в науках о духе. М.: Три квадрата, 2004. С. 243 (Собр. соч.: в 6 т.; т. 3)). См. также: *Schiller H.-E. Kant in der Philosophie Ernst Blochs // Schiller H.-E. Bloch-Konstellationen... S. 57.* Схожие идеи есть у Джеймса, в дескриптивной психологии Вюрцбургской (Кюльпе) и Мюнхенской (Липпе) школ, определенную роль они играют и у Гуссерля (см.: *Pelletier L. Ernst Bloch à la rencontre de la phénoménologie // Bloch-Almanach 2009. Mössingen; Talheim: Talheimer Verl., 2009. S. 256).*

⁴¹ *Lévinas E. Sur la mort dans la pensée de Ernst Bloch // Utopie — Marxisme selon Ernst Bloch. Un système de l'inconstructible: En hommage à Ernst*

Мы и только мы несем в себе искру конца. И лишь во времени выражается, выявляется, пройдя сквозь тысячу помех и препятствий, то, что с самого начала и всегда мнилось, нераскрытое, переживаемое настоящее (GU2, 285).

Тьма мгновения с самого начала мыслится Блохом и как элемент социальной практики, как возможность реализации разных надежд, прорастания в плоть истории и деятельного соучастия в ней. В этом контексте важно, что мгновение — это и мгновение встречи с другим, понимания другого, узнавания себя в другом⁴², а не просто заикленность на себе и уж точно не размывание моральных ориентиров, напротив — абсолютное обнаружение их.

Более того, сама история немислима без герменевтики темного мгновения, и лишь пытаясь разгадать смысл этого «слепого пятна», этого кванта времени, мы можем постичь существо исторического свершения. Мгновение становится априорной основой и деятельности, и познания. В нем находит приют художественное выражение самости, которая из сердцевины времени взыскует смысла и томится по осуществлению себя. Но вместе с тем, как замечает А. Чайка⁴³, мгновение у Блоха никогда не мыслится в горизонте замкнутой на себе, декадентской субъективности, оно всегда открыто, в опыте мгновения начинается переключка разных голосов, аллегореза, узнавание разных лиц, внутренний непокой мира.

Символы мгновения, по Блоху, проявляются вначале лишь на индивидуальном уровне, в повседневности, а затем уже обретают коллективное значение. Когда у клоуна в цирке спрашивают его имя, перед ним вдруг разверзается бездна неизвестности, темнота человеческого бытия, еще не нашего себя. Он застывает, впадает в ступор, вдруг осознав, что он *не знает* своего имени (S, 119–121). В это мгновение он выпал из привычного контекста, и острающая сила, острое переживание метафизической неустойчивости себя, общества и всего мира — за ко-

Bloch pour son 90e anniversaire. (Coll. «Critique de la Politique»). P.: Payot, 1976. P. 318–326.

⁴² А. Чайка, указывая на важную в эстетике традицию понимания анагоризиса, узнавания (*Аристотель*. Поэтика. 1452a–1455a), пишет о музыкальных примерах таких мгновений у Блоха (*Czajka A. Poetik und Ästhetik des Augenblicks...* S. 238–240).

⁴³ См., например: *Czajka A. Op. cit.* S. 322f.

торым должно последовать сознательное, действующее внутри истории изменение жизни — и есть цель такого философствования.

Историческое мгновение невозможно распознать до тех пор, пока отношение к истории остается исключительно созерцательным. Исторические мгновения связаны с *осознанной революционной практикой* и могут быть постигнуты лишь через нее. И хотя феноменология темного мгновения все же подчинена прежде всего индивидуальному переживанию, вопрос о субъекте, который стоит за каждым таким переживанием, уже в «Духе утопии» ставится не только как вопрос о ядре субъективности единичного индивида, но и как проблема грядущей общности, «проблема нас» (Wirproblem). Однако соотнесение сугубо внутреннего опыта и его внешних последствий и объективаций, иными словами — человеческой самости и мира интерсубъективности, изначально было и оставалось точкой напряжения в метафизике Блоха, к которой мы еще вернемся.

Метафизика мгновения есть особый способ оправдания утопии. Блох словно предвосхищает критику, например, со стороны Карла Поппера, заявлявшего, что утопическое сознание жертвует настоящим во имя будущего. Но как можно чем-то жертвовать, не понимая, чем именно обладаешь, не обладая этим всецело? Блох настаивает на том, что опыт мгновения объективировать нельзя, что мы можем размышлять о нем лишь постфактум, и подлинным этот опыт уже не будет. Вместе с тем — как могли бы мы *ощутить* единство, целостность абсолюта в опыте мгновения, если подлинное раскрытие его отодвигается в будущее? Вся философия Блоха есть выговаривание этого парадокса — он настаивает на неокончателности любого опыта, на том, что абсолютное переживание впереди и что на нашу долю остается лишь намек, след того, что никогда нельзя зафиксировать, представить себе целиком и «адекватно». Это мерцание кажимости у него становится специфической «техникой себя», ибо запускает мысль, направляет человека на поиски собственной внутренней жизни. Куда ведут они?

Научное издание
Серия «Исследования культуры»

ИВАН БОЛДЫРЕВ

ВРЕМЯ УТОПИИ:
ПРОБЛЕМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
И КОНТЕКСТЫ ФИЛОСОФИИ
ЭРНСТА БЛОХА

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
ОЛЬГА ШЕСТОПАЛОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Компьютерная верстка
ОЛЬГА БЫСТРОВА

Корректор
ОЛЬГА КАМЕНКОВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 12.05.2012. Формат 60×90/16
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 17,5
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1451. Заказ №

Отпечатано в ГУП ППП
«Типография „Наука“»
121099, Москва,
Шубинский пер., 6

